

Я был твердым и холодным, я был мостом, я лежал над пропастью; по эту сторону были вкручены носки моих ног, по другую — руки, зубами я вгрызся в сыпучую глину. Полы моего сюртука развевались у меня по бокам. В глубине шумел ледяной горный поток. Ни один турист не добирался по ошибке до этих непроходимых высот, мост еще не был отмечен на картах. Так я лежал и ждал; я вынужден был ждать; без того, чтобы не обрушиться, ни один из возведенных однажды мостов не может перестать быть мостом.

Как-то под вечер — был он первым или тысячным по счету, я не знаю, мои мысли постоянно путались в суматохе, и всегда, всегда по кругу — под вечер летом, поток рокотал темнее, я услышал мужские шаги. Ко мне, ко мне. Вытянись, мост, расправься, брус без перил, держи доверенного тебе, выправляй незаметно неуверенную поступь его шагов; если же он пошатнется, то дай знать о себе и вышвырни его на земную твердь, как горный бог.

Он подошел, похлопал меня железным кончиком своей трости, затем поднял ею полы моего сюртука и привел их на мне в порядок, тростью он залез в мои взъерошенные волосы и долго не убирал ее оттуда, должно быть, оглядываясь далеко по сторонам. Потом, однако, — я уже предался было вслед за ним грезам о горах и долине — он прыгнул обеими ногами прямо мне на середину туловища. Я содрогнулся от жестокой боли, пребывая в совершенном неведении. Кто это был? Ребенок? Гимнаст? Смелчак? Самоубийца? Искуситель? Разрушитель? И я повернулся, чтобы увидеть его. Мост переворачивается! Я еще не совсем повернулся, как уже летел вниз, я падал и вот я уже оказался разорванным на части и наколотым на заостренные сверху камни ручья, которые до этого всегда так миролюбиво смотрели на меня из буйной воды.